

Краткое, совершенно популярное введение в методологию Антропософии.

Г.А. Бондарев

1.

Завершён и издан цикл наших работ, в которых мы попытались интенсивное многолетнее изучение методологии Духовной науки перевести в систематическое её описание. Разработкой этой методологии сам Рудольф Штайнер занимался на протяжении всей жизни. Она составила главное ядро его учения, которое он назвал Антропософией.

Надо признаться, мы ожидали, что этот наш труд вызовет определенный интерес в среде искренних приверженцев Антропософии. Наши ожидания основывались на том, что дело Антропософии в мире уже в течение долгого времени испытывает всё возрастающий кризис и потому этих людей должно будет заинтересовать, если кто-то показывает духовно-научно обоснованный путь выхода из этого кризиса. В результате десятилетий самого разнообразного общения с антропософской средой (как внутри Антропософского Общества, так и вне его), мы пришли к глубокому убеждению, что кризис это коренится в повсеместном поверхностном, совершенно не в *духовно-научном* взятии Антропософии. Исключение тут составляют лишь специалисты, те, кто работает в различных прикладных областях Антропософии: в медицине, педагогике и др. Там Антропософия осмысливается и методологически, однако на судьбе всеобщей Антропософии это никак не сказывается. Без научного же постижения Антропософии двигать её вперёд, вносить во все сферы культуры и цивилизации невозможно. Ну а то, что не способно идти вперёд, как известно, отступает назад. Это закон всякого развития.

Нашей работой мы надеялись привлечь внимание к тому, что в состоянии дать работе антропософов более глубокий смысл, дать ей организацию, сделать её созидательной, способной развивать также и познающего её в его стремлении продвигаться от нижнего «я» к индивидуальному высшему Я. Но эти наши ожидания, к сожалению, до сего времени почти нисколько не оправдались. Сложилось в каком-то смысле даже парадоксальное состояние. Повсюду мы встречаем свободное признание значительности темы методологии, даже исключительной значительности, но дальше, за редкими исключениями, ничего из этого не следует.

Небольшой круг людей в Швейцарии даже организовал специальный методологический семинар, где нам довелось в течение 12 лет в целом ряде групп заинтересованных людей не только в Швейцарии, но и в других странах, давать учебный курс антропософской методологии в сочетании со специальной практической работой на базе текстов «Философии свободы». Работа шла живо, никто не скучал, интерес у её участников не ослабевал, однако, когда она пришла к концу, то наши надежды на то, что кто-то понесёт её дальше, собрав другие группы, не оправдалась.

Мы, однако, не думаем, что развиваемая нами инициатива потерпела полное фиаско. Ведь речь-то идёт не о каких-то там экзотических изысканиях какого-то частного лица, а о показе того,

что действительно составляет *главную* ценность, ядро Антропософии, чего большинство её сторонников в силу разных, совершенно не основательных причин не желает видеть. А ведь из-за этого антропософская работа давно, очень давно топчется на одном месте. И это трагедия общечеловеческого значения.

Эту проблему нужно во что бы то ни стало начинать решать. А для этого требуется не просто поменять взгляд на некоторые вещи; для этого требуется начать менять *форму* существующего сознания, что является, по сути, сверхзадачей. Когда пытаешься вместо пустых, абстрактных рассуждений о ней, понять её одновременно и совершенно насущный, и ошеломляющий своей новизной и масштабом характер, то единомышленников при этом остаётся очень мало. Во многих эта задача наталкивается просто на глухую стену. Других сковывает консерватизм абстрактного мышления, сформировавшийся в тысячелетней школе рефлексии и материализма. Наконец, ещё кого-то пугает, как они считают, слишком научное звучание задачи.

Таким образом, что же реально мы имеем? С одной стороны, безусловное и всеобщее признание и принятие Гётева «обдумай *что*, но более обдумай *как*», а с другой – уже не менее, чем столетие длящееся увлечение одним только «что» Антропософии. И это положение нужно непременно, если мы желаем успеха Антропософии, изменить. Тема методологии, конечно, сложна, но если на пути её познания уже что-то достигнуто и если это попытаться популяризировать, то для многих в этом случае такой путь окажется даже совсем не сложным. Трудны, как в любой науке, первые шаги. А если они сделаны, то их способен повторить любой, чтобы дальше идти по этому пути самому.

2.

Начнём мы наше популярное введение с того, что является просто самоочевидным. Спросим себя: что в существе человека является самым главным? Чем является то, без чего человек человеком быть не может? Это, конечно, такая форма сознания, которая позволяет человеку знать о самом себе, т.е. которая является самосознанием. Содержание самосознания представляет собой сложный конгломерат отношений, переплетений, взаимодействий мыслей, чувствований и волеизъявлений. Главную роль во всём этом играет мышление, которым обуславливается наше дневное, бодрственное (его ещё называют предметным) сознание. Его мы ценим больше всего, ибо всякое его ослабление, деформация снижают нашу человеческую полноценность. Стоит нам уснуть, и нас словно бы и нет, хотя какая-то форма сознания при этом сохраняется; она оберегает сон от перехода в смерть. Мы, правда, ещё видим сны. Но сколь беспомощны мы в них как самосознающая личность.

Из нашей воли встают импульсы к действию, но лишь при условии, что мы их сознаём. Инстинктивное действие, например, инстинктивное отдёргивание руки от горячего предмета, присуще и животным.

Когда в нас проявляются чувства, то, имея слабое мышление, мы становимся игрушкой наших склонностей, страстей, вожделений. Конечно, с силой мышления можно и переборщить. Тогда можно удушить в себе все чувства и стать сухим бездушным эгоистом. Однако и эгоизма не преодолеть, не размышляя о нём, не осознавая его.

Наше мышление простирается и на весь внешний, окружающий нас мир. Первоначально мы знаем этот мир как данный, а потом, опираясь на восприятия чувств, развиваем понятия о нём. И лишь затем, исходя из этих понятий, из *познания* мира, начинаем его видоизменять. Видоизменять мир без мыслей пытается разве что только пьяный или сумасшедший. Чувство, участвующее в видоизменении мира, должно быть всегда непременно осознано. Одним словом, как бы мы ни повернули наш вопрос, в нём всегда на первом месте оказывается мышление.

Гегель в своей «Энциклопедии философских наук» пишет: «Только мышление делает душу, которой одарено также и животное, духом», т.е., добавим мы, делает человека индивидуальностью. А Рудольф Штайнер в конце 1-й главы «Философии свободы» пишет: «Я совершенно далёк от того, чтобы признавать за в высшем смысле *человеческие* только такие поступки, которые проистекают из отвлечённого суждения. Но лишь только наша деятельность поднимается над областью удовлетворения чисто животных вожделений, как наши побудительные причины всегда оказываются пронизанными мыслями. Любовь, сострадание, патриотизм – все они являются движущими силами деятельности, не поддающимися разложению на холодные понятия рассудка. Говорят: сердце, душа вступают здесь в свои права. Несомненно, это так. Но сердце и душа не создают побудительных причин для деятельности. Они их предполагают и принимают в свою сферу. В моём сердце появляется сострадание, когда в моём сознании возникает представление о возбуждающем сострадание лице. Путь к сердцу проходит через голову. Не составляет здесь исключения и любовь. Когда она не является просто проявлением полового влечения, она основывается на представлениях, образуемых нами о любимом существе. И чем идеалистичнее эти представления, тем большее блаженство даёт любовь. Также и здесь – мысль является родительницей чувства».

3.

Древние говорили, что человек есть мера всех вещей. Они имели в виду вещи как материального, так и духовного мира. Мы сейчас возьмём лишь мир чувственно воспринимаемых вещей, окружающий нас физически-материальный мир. Его, как мы уже сказали, человек, приходя на Землю, находит как данный. А когда он начинает оказывать на него воздействие, то в его пределах возникает ещё один мир, и он как данный, как мир цивилизации и культуры, сливается с человеком в одно.

Этот, второй мир есть плод нашей деятельности; деятельность же наша – осознанная. В нас возникают разные желания, намерения, мы ставим себе цели и осуществляем их. В нас рождаются побуждения и мотивы деятельности. Чем бы они ни вызывались (восприятиями наше внутреннего или внешнего мира, нашими размышлениями, смутным тяготением), главное в них состоит в том, что они непременно принимают мыслительную форму, и только тогда обретают существование. Побуждение должно быть непременно возведено в мотив деятельности. Если даже чувство, вожделение становятся сильнее мысли, понимания, то и тогда всё равно проявляется мотив. Человек говорит себе примерно следующее: я понимаю, что задуманное не разумно, но справиться с собой не могу.

Мотивы деятельности имеют тенденцию соединяться между собой в разного рода целостности. От этого их мыслительное содержание увеличивается, углубляется. Человек от опытного, чувственного начинает всё более восходить к чистому мышлению. Он начинает философствовать о смысле деятельности вообще, о смысле жизни и т.д. Так рождаются большие, цивилизационные, культурно-исторические, общечеловеческие мотивы деятельности. В соответствии с ними человек начинает определять весь характер сотворения им вторичной реальности, цивилизации и сам исторический процесс.

Во всей иерархии мотивов деятельности – от простейших до глобальных – некоего рода внутренним их двигателем является вопрос: что делать? И когда это становится более или менее ясно в пределах определённых возможностей, определённого отрезка времени, то, как самое важно, встаёт второй вопрос: как это сделать? *Так рождается проблема метода.*

Метод необходим не только для деятельности, но и для познания. Если нас интересуют разные «что» объектов и явлений мирового значения, то решающую роль в их познании играют уже не отдельные разрозненные, часто противоречащие одни другим методы, а, скажем, генеральные принципы познания, то, что составляет основу мировоззрений. В Антропософии в этой связи во главу всякого познания ставится эволюционизм. Познавать вещи, говорим мы, следует в развитии, и если развитие брать в его чувственной и сверхчувственной составляющих, то тогда познаваемой окажется и сущность вещей, то, что Кант считал вообще не познаваемым.

Чем сложнее объект познания, тем сложнее метод познания. Так обстоит дело и с человеческой деятельностью. Поэтому возникает множество методов познания и деятельности. И возникает проблема, как их продуктивно сочетать. *Так рождается методология*, учение о том, как и насколько соединимы в единство те или иные группы методов, на какой основе, исходя из каких принципов такое соединение может оказаться возможным и т.д. К настоящему времени созрел вопрос о том, а нельзя ли все методы познания и деятельности свести в одну всеобщую методологию? И по этому поводу следует сказать, что вся деятельность Рудольфа Штайнера имеет свою *кульминацию* в разработке *такой методологии*. Да, та проблема, которой так озабочена современная наука, а именно создание всеобщей научной методологии, от чего зависит дальнейший научный и технический прогресс, уже создана. Она существует в Антропософии. И в ней при этом ещё убедительно показано, что любые виды прогресса могут пойти на пользу человечеству лишь при условии его морального прогресса. То есть всеобщая антропософская методология имеет этическую основу.

4.

Примерно к середине XX в. было достаточно отчётливо осознано, что дальнейшее увлечение разработкой всё новых частных методов научно-технический прогресс начинает тормозиться, а вместе с тем и развитие всей цивилизации. Наука, усложняясь, постоянно дифференцируется на всё новые и новые подотделы, ответвления. Достижения в одной области знания всё труднее бывает использовать в других областях.

Было понято, что все вещи в мире представляют собой части, элементы разного рода общностей, единств. И именно эта их принадлежность часто больше объясняет их сущность, чем

познание отдельных частей самих по себе. Особенно очевидным это становится на примере человека. Абсолютно на всём из чего он состоит, что он делает, думает и т.д., как всеопределяющее лежит отпечаток именно самого человека. Поэтому поиск всего аналогичного тому, что есть в человеке, в иных царствах природы, а тем более просто в технике, имеет весьма относительную ценность. И поскольку для материалистов это совсем не так, то мы здесь имеем также и пример того, насколько проблематично создание всеобщей методологии. Она требует совершенно радикальной смены основных мировоззрительных установок и парадигм существующей цивилизации.

Уже на первом этапе её разработки материалистической наукой возникли проблемы явно метафизического характера, например, проявление в целостных, названных «системными», объектах так называемой «сверхсуммативности», т.е. того, что не укладывается в простой сумме частей исследуемого объекта.

Два направления развития стоят ныне перед человечеством. Им обоим присущ универсализм в выборе путей и средств дальнейшего движения человечества. Один из них – это путь материалистического и материального глобализма с его идеей превращения всего бытия человечества в некое механическое целое, которое всецело функционировало бы только в соответствии с законами естествознания. Здесь сверхсуммативность будет понята лишь как естественный закон, но более высокого порядка.

На втором пути человечество во всё большей мере будет овладевать познанием сложной, чувственно-сверхчувственной реальности. Здесь глобализироваться будет *индивидуальность* за счёт постоянного расширения границ познания на базе метаморфизирующихся *форм сознания*.

Так пришли мы к пониманию *ключевого* значения методологии вообще и антропософской методологии в особенности. Вся судьба человечества зависит от того, какую методологию оно выберет: материалистическую или духовно-научную. Ибо и в том и в другом случае цивилизация и дальше будет строить себя (или разрушать) в соответствии с её методологией, её «органона», принципов и форм мышления.

5.

Многих, как мы сказали, само слово «методология» отпугивает своей, как им кажется, чрезмерной научностью. Однако это впечатление можно ослабить. Если взять это слово чисто этимологически, то оно составлено из двух слов: метод и учение. То есть это учение о том, как вообще пользоваться разными методами, когда мы что-то познаём или собираемся делать. Тут полезно прислушаться также и к тому, какое определение даётся методологии в энциклопедиях. Там о ней сказано, что это «система принципов и способов организации и построения теоретической и практической» деятельности человека. Это уже звучит несколько сложнее, однако вполне доступно человеку даже со средним образованием.

А главное тут заключается в том, что ведь каждый человек, часто, правда, не сознавая этого, в своей практической жизни поступает как профессиональный методолог. И он может им быть как в большей так и в меньшей мере. Если в меньшей, то его личная жизнь идёт, что называется,

кувырком, принуждая его таким страдательным способом взяться за ум. Если в большей, то люди этого типа производят на нас отрадное впечатление благодаря их способности организовать свой жизненный процесс, личные, социальные и иные отношения, ибо они знают и умеют пользоваться принципами того, как это делается. Иной из этих принципов звучит совсем просто: если ты хочешь быть социальным существом, то живи не только для себя, но оставляй возможность жить и другим людям. Не методолог жизни не знает этого и не делает этого и оттого превращается для других в сущее наказание Господнее.

Если мы утверждаем, что каждая цивилизация имеет свою методологию, то это утверждение зиждется на том, что все её члены ведут себя, хорошо ли, плохо ли, как методологи. Это неотъемлемое качество человека, признак его разумности, цивилизованности и т.п.

В древности, а кое-где на земле и до сего времени, методология жизни заявляла о себе то как божественное откровение, то как воля меньшинства господствовать над большинством. То есть, выходит, что осознание человеком того, что он в жизни должен быть методологом, т.е. не руководствоваться сиюминутными побуждениями, а действительно знать, чего он хочет надолго, всерьёз, является даже его гражданским долгом и условием построения свободного демократического общества или, как минимум, стабильного государства.

Но спустимся до простых вещей. Поскольку человек является мыслящим, то любое действие он сопровождает мыслью, представлением; а в них, из них непременно слагаются принципы жизневоззрения. У одного мало денег или он копит их. Он во всём соблюдает экономию. Один любит детей и самоотверженно печётся о них, другой больше всего любит себя и потому детей не заводит. Спросим себя: могут ли эти типы поведения быть всецело инстинктивными? Или каждый раз человек тут руководствуется отдельными, отрывочными мыслями? И подумаем ещё о том, что никто не живёт в одиночестве пустыни. Каждый свои действия должен приводит в связь с намерениями большого числа других людей. Значит, речь идёт о «системе принципов и способов организации» и замыслов, и поступков?

И поскольку таков характер поведения также и целых стран, разных содружеств и объединений, то неизбежно существует необходимость организовывать жизнь всего человечества в целом. И тогда становится совершенно очевидным, что *каждая цивилизация имеет свою методологию. Она объемлет собой всю совокупность факторов существования человечества на земле в ту или иную культурно-историческую эпоху. Меняется методология, меняется и цивилизация. А методология меняется в зависимости от изменений формы сознания.* Если эта последняя изменяется в соответствии с нормальной эволюцией человеческого вида, то эволюционируют и цивилизации, если нет, то они деградируют. Самая большая опасность для нашей цивилизации заключается в упорном настаивании на том, что кроме как рефлектирующим сознание вообще быть не может.

6.

Вероятно, скептик охотно бы вклинил в наше рассмотрение приложимый к любому случаю в жизни вопрос: а что было первым – курица или яйцо? – вспомним о том, о чём мы уже говорили ранее, что человек есть мера всех вещей. Но если мы спросим себя: а почему это так? и зачем

это человеку? – то полный ответ на эти вопросы уведёт нас в дали эволюции мира и человека, к самому её началу, как это описывает Антропософия. Ответ в этом случае скоро начинает превосходить возможности понимания, не подготовленного основательной работой с Антропософией. То есть дело начинает заключаться не в вопросе, а в спрашивающем.

Однако ведь надо же с чего-то начинать. И вот тут оказывается, что особенно успешно такое познание идёт вперёд, если мы, начав как угодно, попытаемся додумать это до некоего конца, а потом вернёмся назад и всё начнём сначала. И тогда мы обнаружим, что с нами тем временем что-то произошло и мы во второй раз уже движемся на более высоком уровне. В этом заключён один из законов антропософского метода познания. Кто такие ходы сделал и не один раз, получает внутреннее побуждение организовать свой процесс познания. Он начинает испытывать в этом потребность. И тогда он зрел для овладения антропософской методологией. И с таким человеком можно вести разговор о «мере всех вещей». Ему можно, например, указать на одну мысль, высказанную Рудольфом Штайнером в «Философии свободы». Мысль эта следующая: *«Нельзя отрицать, что прежде, чем может быть понято всё остальное, должно быть понято мышление. Кто это отрицает, тот упускает из виду, что как человек он не начальное звено творения, а его последнее звено. Поэтому для объяснения мира посредством понятий нужно исходить не из первых по времени элементов бытия, а из того, что нам дано как ближайшее, как интимнейшее. ... Философ может прийти к цели, только начав рассматривать абсолютно последнее как своё первое. Но это абсолютно последнее, достигнутое мировым развитием, и есть мышление»* (конец 3-ей главы).

Исходя из этого, особенно фундаментально обоснованного Рудольфом Штайнером положения, следует понять, что весь окружающий нас мир культуры и цивилизации есть также последнее звено мирового развития, и мир этот есть плод человеческой мыслительной деятельности. Она тут первична, а мир вторичен. *Человек мыслящий есть мера всех вещей этого мира.* Но из этого, однако, не следует заключать, что мир культуры и цивилизации никак не обуславливает человека. Он обуславливает, но во вторую очередь, когда он уже создан, а не до того. А его создание обусловлено типом мышления; мышление же совершается по законам того или иного метода. А если мы берём его в совокупности с практической деятельностью, то тут-то и заявляет свои права методология. Такое вот возникает единство. И стоит нам его разорвать и мы оказываемся в неопределённом положении, что и переживает человечество в наше время.

Правоту этого положения можно подкрепить большим числом примеров. Если мы, например, познали форму сознания древнееврейского народа, то это даёт нам возможность действительно понять характер ветхозаветной цивилизации, в которой воплотился Иисус Христос, а не экстраполировать на неё наши современные представления. (Особенно ужасный вид это имеет в кинофильмах на библейские темы.) Если мы познали форму сознания древних греков, то мы поймём характер цивилизации эллинизма, из которой произошла латинская цивилизация, а из той – наша, материалистическая. В таком случае познание прошлого делает возможным содержательное и продуктивное размышление о настоящем. И мы также видим, как методология совершенно естественно начинает охватывать области народоведения, этнологии, социологии, культурологи, истории, теологии. Да, собственно, все сферы человеческого знания,

приводя их в некое органическое целое, целое в котором мы нуждаемся, а не просто теоретизируем на эту тему. И ядром этого целого оказывается человекопознание, а в нём – теория познания.

7.

В эпоху интеллектуализма самым бессущностным, лишённым всякой реальности является мышление человека. В нём столько же жизни и реальности, сколько их в зеркальном отражении. Мышление является неким зеркалом, в котором отражаются все предметы и процессы внешнего мира и внутреннего мира человека, данные ему в ощущениях.

Тот факт, что оно при этом способно ещё и само как-то двигаться, как-то сочетать и разъединять свои элементы, – это для материалистического естествознания является неразрешимой загадкой. Не будем её решением заниматься сейчас и мы, хотя Антропософия это решение даёт. Отметим только главное для нас: в этом зеркале повторяется весь мир. А благодаря собственному движению мысле-объектов этого зеркала, в нём явлены (отражены) и законы, по которым существует и движется в мире всё.

Когда Аристотель исследовал мир сознания-зеркала на предмет его самосуществования и самодвижения, то он открыл законы, по которым это происходит. Их совокупность, система, была названа логикой (название произошло от слова «Логос»). Согласно этим законам движение мышления осуществляется диалектически, благодаря противоположности и единству его элементов. Интересно, что и развитие мира осуществляется таким же способом.

Существует ещё один метод мышления – эмпирический. Всё, попадающее в сферу нашего восприятия – будь то нечто материальное душевное, духовное, – рождает в нас свои противоположности, соответствующие им идеи. Если менять мир восприятий, например, ставя научные опыты, то этим в мышлении можно вызвать процесс, ведущий к открытию чего-то нового, в том числе и законов природы, человеческого духа и т.д. То есть у этого мышления свой метод.

Постепенно и в том и в другом – и в философии, и в естествознании – вырабатываются некие общие принципы познания, принципы миро- и жизневоззрения. Человек описывает всеобщий (в доступных для него границах) образ мира, формулирует принципы поведения и деятельности в нём. Это становится для него Абсолютом. Поэтому, например, материалист-естествоиспытатель никогда не пойдёт на признание сверхчувственной реальности. Человек духовный, религиозный никогда не релятивизирует моральность, какой бы научной деятельностью он ни занимался. Так рождается всеобщая методология познания и жизни даже при наличии одного только рефлектирующего мышления, рождается потребность в ней. И её обуславливает форма человеческого сознания. Но та, которая существует, приходит, как мы видим на тех примерах, в противоречие с реальной жизнью человека. Ведь если оставаться в границах абстрактного, то прав материалист, а тогда морали в жизни человечества места нет. Без морали же оно непременно погубит себя. Мы тогда имеем дело с природой, которая по мере своего развития упраздняет себя. Но такого естествознание не знает.

В то же время всё-таки можно понять адептов материализма в их упорном стоянии на своих принципах. Ибо им совершенно ясно, что отказ от них влечёт за собой фундаментальную смену всех основных парадигм цивилизации. И как ею в таком случае управлять, они не знают. Они не знают, что возможно построение методологии с включением в неё понятий сверхчувственной реальности. Хотя её присутствие стучится в их грудь. Это выражается в их универсализации понятий материализма. Они материю наделяют свойствами духа, объявляя её бесконечной, вечной, всеобъемлющей.

Всё это может быть и стояло бы вечно, но вот в чём «беда»: уже в пределах этой реальности в человеке, как мы говорили, проявляются разные формы сознания: сна без сновидений, сна со сновидениями, сознание озарений и др. И если внимательнее изучать прошлое, то там открываются этапы развития, на которых существовали цивилизации, порождённые иными формами сознания. И только с точки зрения современной рассудочности они кажутся менее совершенными, чем наша, не смотря на весь ад, в который она ввергает человечество.

Большинство наших думающих современников глубоко озабочено поисками способов, методов, с помощью которых эту «высшую» цивилизацию можно бы было вообще спасти от гибели. Антропософия в этой связи говорит: начинайте поиск с теории познания. И когда дело касается антропософов, то очень трудно понять тех, кто, желая выйти за рамки узкого эгоизма и поставить себя на служение миру, надеется начать свою работу как-либо иначе, например, просто рассказывая людям, что существуют перевоплощения, ариманические и прочие существа и т.д. Речь в наше исключительно серьёзное время идёт о жизни и смерти *всей* цивилизации, о впадении её в полный хаос. И угроза эта проистекает не из отдельных, частных недопониманий, заблуждений.

8.

Мы не ошибёмся, сказав, что теория познания является коренной проблемой развития человека и человечества по меньшей мере на протяжении 2-3 тысяч лет. В эзотерическом смысле она простирается на весь наш эволюционный цикл, только в этом случае она выражается на других языках: она называется мифологией, наукой посвящения и др. Ведь если в мире, как учит Антропософия, нет ничего кроме сознаний, существ, имеющих бытие в форме разных видов, форм сознания и отношений между ними, то, следовательно, нет ничего, кроме возникновения, развития и границ сознаний.

Но это понятие – «теория познания», многих пугает ещё больше, чем понятие «методология». Его боятся даже люди с высшим образованием, если оно не философское, хотя порой не упускают возможности «блеснуть» этим словечком. Это всегда можно почувствовать по лёгкому напряжению, которого не может скрыть произносящий это слово.

Однако нельзя ли с этим понятием разобраться как-то попроще и ввести его в обиход нашей духовной жизни не имея философского образования? Начать, правда, и тут придётся с энциклопедий. В них говорится, что теория познания занимается изучением природы познания, его возможностей, его отношения к воспринимаемой реальности, того, насколько его можно считать истинным, т.е. действительно дающим знание о вещах, объясняющим их реальное

положение в мире. Но в таком случае – а чем по преимуществу занимается Рудольф Штайнер? – Да именно всеми этими вопросами. Только он, в отличие от абстрактных наук, эти вопросы *решает*, тогда как те науки о них только спекулируют. Но почему всё-таки так совпадают здесь интересы как абстрактных наук, так и Антропософии? – А потому, что вопросы эти главные для человечества. (Вспомним недавнее прошлое, какое значение в нашем образовании и воспитании играла так наз. «гносеология диалектического материализма».) А если это так, то нужно постараться найти простое их понимание.

Не будет ошибкой, если мы скажем, что теория познания – это некоего рода рассказ и обмен мнениями между людьми по поводу того, как относиться к мышлению, которому мы, с одной стороны, обязаны тем, что являемся людьми, а с другой – оно настолько кажется эфемерным, что его как будто бы вовсе и не существует, хотя Декарт сказал, что мышление убеждает его в том, что он как индивид существует. Но попробуем разобраться в этом. В одном случае мысли в нас вызываются тем, что мы что-то воспринимаем. Вот мы видим трамвай. И в нас возникает мысль: это трамвай. В следующий момент мы видим ворону, которая сидит на проводах, и в нас возникает мысль о вороне, а мысль о трамвае исчезает. Выходит, что мир восприятий странным образом манипулирует нами. И никуда от этой манипуляции скрыться нельзя. Кроме как если взять деятельность мышления под контроль. А тут уже нужна некоторая внутренняя сила, сила воли в мышлении. Волю же несуществующей не назовёшь. Слишком очевидно она связана с нашим обменом веществ, с циркуляцией крови и вот ещё: с мышлением. И вот уже наметился мост к признанию того, что мышление реально. Правда, не всякое.

Воля, по сути говоря, непосредственно тоже не воспринимаема, но когда она проявляется в мышлении, то мы можем этим мышлением двигать по нашему усмотрению. Мы можем просто размышлять, полностью отвлекшись от восприятий внешнего мира, имея дело только с восприятием мыслей, что необходимо, чтобы их соединять. А соединение совершается по законам логики. Все эти законы открыл ещё Аристотель. Рудольф Штайнер говорит об этом: «...Развитие человеческой логики Аристотелем представляет собой столь грандиозное свершение, что также ещё и сегодня можно сказать: в человеческом мышлении было достигнуто нечто высочайшее, так что дальнейшего восхождения не произошло по сию пору» (ИПН148,1.10.1913).

Грандиозность Аристотелева труда заключается в том, что он описал законы человеческого духа, по которым он живёт и действует в эпоху интеллектуализма, когда впервые в своём развитии он обрёл пусть низшее, но индивидуальное «я». От этой логики не произошло дальнейшего восхождения потому, что не произошло дальнейшего восхождения формы предметного человеческого сознания. Но вот пришло время такое восхождение совершить. И тут требуется взойти к иной, более высокой теории познания, которую развил Рудольф Штайнер. В этом смысле он – Аристотель нового времени. И как логика Аристотеля стала краеугольным камнем материалистической цивилизации, так учение о познании и сознании, данное Рудольфом Штайнером, образует краеугольный камень той спиритуальной цивилизации, которая идёт на смену нашей.

Логике Аристотеля современный человек получает уже попросту в силу наследственности. Независимо от нашей учёности или неучёности, нас раздражает, если кто-то при нас мыслит хаотически, не логично, противоречит самому себе, и мы восхищаемся человеком, мышление которого стройно, последовательно. А ещё нам присуща скрытая любовь к противоречиям. Мы прирождённые диалектики. Если с кем-то все бездумно соглашаются, то нам становится скучно (если, разумеется, мы не марксисты и не диктаторы при власти). Ищем мы противоположностей и в жизни, называя это разнообразием. Встречая противоположности, мы стремимся их примирить, наблюдая как при этом рождается новое. Это идёт вплоть до биологии, когда противоположность мужской и женской природы разрешается в детях.

Существуют, правда, люди и иного склада, которые всякий антитезис называют «сатаной». Они любят покой. Но что это за покой? Истинный покой, как сказал поэт, «нам только снится». Его достигают, пройдя через долгие муки низшего развития, борьбы со своей низшей природой. Так считает подлинная религиозность.

Так вошли мы в область теории познания и узнали, да и поняли её главные проблемы и задачи. И теперь можем с нею идти дальше.

9.

Итак, мы понимаем, что человек, цивилизованный в смысле настоящей культурой эпохи, мыслит логически, абстрактно или эмпирически, естественно-научно. Этими факторами обусловлена его сущность, которую мы называем Я или самосознающим «я». Оно творец вторичного, после естественного, мира. Это оно, сводя в единство мир мыслей, чувств и волеизъявлений, является творцом миро- и жизневоззрений, открывает законы существования как мира, так и человека в мире. Так возводится единая система знания, объединяющая мир и человека. Когда ей придаётся ещё и опытный характер, то она тогда и становится методологией цивилизации. Она порождается человеком, поэтому он – её главное звено, составная часть, а сам человек при этом, повторяем, есть форма существования сознания на разных его ступенях.

Наша цивилизация есть плод понятийного и абстрактного мышления. Им человек не столько соединяется с подлинным миром, сколько отчуждается от него. Мы пришли в развитии к ужасному парадоксу: нашим собственным умом мы создали некую реальность, которая отчуждает нас от естественной реальности мира, отчуждает нас от собственной сущности. Парадокс это носит метафизический, т. е. не объяснимый лишь в пределах чувственной реальности характер.

Так было не всегда в истории развития. Человек не всегда обладал таким умом. Он возник, когда в Греции родилась философия. Это был не просто культурный, а эволюционный факт: человек тогда претерпел *видовую метаморфозу*. Такие метаморфозы совершались с человеком уже не один раз, но теперь они принимают всё более тонкий характер, не сопровождаются грубо, чувственно видимым изменением его физиологии и даже внешнего облика. Поэтому их теперь с трудом замечают, однако для развития человека как вида они по-прежнему носят фундаментальный характер. Понимать это нам мешает рассудок, привыкший экстраполировать свои представления на все эпохи развития. Человек же даже древнегреческой культуры

настолько отличался от современного человека, что познать его стало возможным лишь в результате сверхчувственных духовно-научных исследований. Возникновение в той культуре людей, мыслящих в понятиях, было обусловлено большими структурными изменениями человеческого мозга, в чём археологически убедиться невозможно. Но переход мышления грека от мифологического к понятийному отразила древнегреческая литература, например, сочинения Платона.

Аристотель, как человек уже нового, подобного нам типа, создал «органон», т.е. орудие, инструмент, позволяющий организованно пользоваться понятийным мышлением. С помощью его и создается наша цивилизация. При этом инструмент и его владелец образуют единство.

Мыслительная деятельность человека дала ему возможность пережить себя как отдельное от всего остального мира существо, обязанное своим индивидуальным самобытием лишь самому себе. Это, конечно, величайшее завоевание эволюции, поэтому свершение Аристотеля, действительно, грандиозно.

Однако сколь бы ни было велико значение низшего «я», оно лишь ступень на пути эволюции сознаний, и ступень довольно ограниченная. Мысля, мы ничего не создаём кроме мыслей, космическое же мышление – непосредственно творящее; оно способно творить *субстанцию*. Понятийное мышление лишь количественно. Оно способно увеличивать количество знания и только одного рода: теневого, бессущностного, остающегося на поверхности вещей, не способного проникать в их суть, которая всегда сверхчувственная. Проблема эта разрешима только через *качественное* изменение характера мышления, для чего требуется изменить *форму сознания*.

10.

Если человек, становясь взрослым, остаётся как ребёнок, то перед нами больше не ребёнок, а инфантил. И подобным образом обстоит дело с развитием всех форм человеческого сознания. Если, проснувшись, человек в течение дня ведёт себя словно во сне, то это не значит, что он как личность стал спиритуальнее. Он просто несколько нездоров.

Нельзя к знаниям учёного в области точных наук просто добавить точные знания об искусстве и рассматривать их как и первые. Искусство необходимо переживать, познание его имеет смысл только в том случае, если способно это переживание усиливать. А если человек переживает искусство, то от этого меняется характер его личности, вся жизнь его мыслей чувств и волеизъявлений. Всё это совершенно очевидные вещи, и тем не менее человечество не желает думать над *качественным* развитием сознания, которое меняет его форму.

Кант прав, утверждая, что у нашего сознания есть границы. Они есть у каждой формы сознания. *Но если эти формы меняются, то меняются и границы.* На этом вполне понятном принципе строится теория познания Антропософии. Что сделал в неё Рудольф Штайнер? *Он соединил её с учением об эволюции мира и человека.* Эволюция же с духовно-научной точки зрения необыкновенно многопланова, сложна, многообразна. И во всё это входит Духовная наука и всё, во что она входит, можно рассматривать как части универсальной теории познания. Учение об

зонах развития – это одна её часть, о реинкарнации и карме – другая; значительнейшая часть дана мифологиями мира, если уметь их расшифровывать духовно-научно; ещё одна часть дана в учении о душе – в психософии и т.д. Всё, содержащееся в Антропософии, свою осевую тему имеет в описании метаморфоз сознания.

Именно с точки зрения эволюционистски взятой теории познания мы говорим о существовании ступеней человеческого сознания, уходящих, с одной стороны, вниз, в подсознательное, а с другой – вверх, в сверхсознательное, если за точку отсчёта взять дневное бодрственное сознание. На этой, уходящей в бесконечные выси «лестнице» («лестнице» в терминологии русских святых) сознаний мы рассмотрим только три ступени.

Первая из них – это та, которой обладал человек до эпохи Сократа-Платона-Аристотеля. То сознание следует назвать *групповым*. Человек тогда глубочайшим образом чувствовал себя созданием богов. По их милости к нему приходили и мысли в форме различных сверхчувственных существ. Главные мысли (категории) были главными богами. Мысли о природе являлись в виде многочисленных элементарных существ. Человек тогда не мог сказать себе Я. Рудольф Штайнер поясняет: грек переживал род, общину, граждан полиса как то, что косвенно свидетельствовало о том, что он сам существует как отдельное существо. Потеря с ними связи грозила ему потерей себя. Потому так боялись тогда изгнания из полиса. Своё высшее Я грек переживал словно сновидение, в котором оно открывалось как пребывающее в духовных высях. Он переживал его как некое групповое начало, которое было, скажем, одно на весь полис.

Нельзя сказать, что нам трудно это понять, ибо все жестокие диктатуры нашего времени возводят себя на реставрации этого переживания, что некое групповое, всенародное «Я» персонифицируется в вожде или в правящей партии, возглавляемой группой новых жрецов, и все люди, слепо подчиняясь их власти, должны забывать о своём отдельном существовании. Греку в отличие от современного человека было не нужно забывать об отдельном (индивидуальном) существовании; его у него тогда ещё не было.

Прогресс в развитии человека, а вместе с ним и всего человечества, состоит в том, и только в том, чтобы от современной формы *индивидуального* сознания подняться к *первой индивидуальной форме сверхсознания*. Эта форма должна уже в наше время, занимая всё более господствующее положение, строить новую цивилизацию, возводя для этого сначала её органон. Для этого и пришла в мир Антропософия. Она исчерпывающим образом показывает, что старая форма сознания человека дала его развитию всё, что она могла дать и дальнейшее пользование ею не продуктивно.

Не в первый раз задачи подобного рода встают перед человечеством, и каждый раз их решение было связано с радикальным изменением всех факторов жизни. И вот перед очередным таким изменением стоим мы теперь. И ничего важнее осуществления этого изменения нет. Никакие паллиативы, продлевающие прошлое, нас не спасут, если мы не станем делать *главного дела* нашего времени. Ежедневно средства массовой информации сообщают о всё новых и новых признаках развала цивилизации. И ниоткуда не звучит ни единого здравого суждения, живой мысли. Всё заполнено мёртвой абстрактностью, разряжаемой лишь

вспышками самого дикого эгоизма. Не зря замечено, что наше время напоминает эпоху заката Римской империи. Он совершился так, что, по остроумному замечанию одного писателя, европейское человечество после того на тысячу лет перестало мыться. Да, перестало, пока не окрепла новая, рассудочная форма сознания и на рациональных началах не возвела нашу цивилизацию. Нужно учиться на опыте прошлого.

11.

Если, основательно воспользовавшись антропософским знанием, мы более внимательно рассмотрим в характер древнегреческой культуры, то для нас станет несомненным, что обширный свод её мифологии, великое творение Гомера – это подлинный органон, методология той культурной эпохи. Образами её богов греки пользовались поистине виртуозно, размышляя на любые темы повседневной, социальной, и религиозной жизни. Нам невероятно трудно войти в суть этого мифологического мышления. Грекам же, как об этом свидетельствуют диалоги Сократа, было столь же трудно войти в понятийное мышление.

Ещё труднее современникам понять характер ветхозаветной цивилизации. Поэтому о предыстории Христианства христиане рассказывают друг другу лишь наивные, совершенно экзотерические сказки, над которыми смеются материалисты. Ветхий Завет был методологией древнееврейской цивилизации. Имеется возможность понять это теперь, наблюдая, так сказать, воцерковлённых евреев, т.е. подлинных членов религиозных общин, входящих в них по глубокому убеждению или даже в силу своеобразной наследственности. В жизни этого современного еврейства Ветхий Завет существует в оболочке Талмуда, который играет роль некоего рода амортизатора или, если угодно, «скафандра», уберегающего ту древнюю цивилизацию от столкновений, соприкосновений с цивилизацией современной. Это уникальный феномен, в котором обширная группа людей стремится сохранить себя в давно прошедшем времени. Стоит отдать себе в этом ясный отчёт и станет ясно, насколько трудно – не в силу каких-то там политических, экономических, исторических и т.п. причин – соприкоснуться с этим феноменом. Он может существовать только в своей замкнутости, изолированности, ибо это как бы и не земная, с точки зрения современности, а инопланетная цивилизация. Мы высказываем это не критически и не оценочно – такое вообще не входит в задачу антропософских рассматриваний, – а чтобы проиллюстрировать тот факт, насколько целостно и всепронизывающе любая цивилизация охвачена своей методологией: формой сознания, характером мышления, характером человеческой ментальности и проистекающим из всего этого характером деятельности.

Или возьмём цивилизационные намерения большевизма. Здесь перед нами попытка создать некую утопическую, новую цивилизацию. И что за цель стояла в центре того проекта? – Создание «новой общности – советский народ», создание на основе мыслительного – идеологии – новой *этнической* общности. О чём это говорит? Это говорит о признании того древнего принципа, что человек есть мера всех вещей. И если к эксперименту подойти евгенически, то, заменяя роль Творца, можно создать не просто новую цивилизацию, дав ей абстрактно измышленную методологию: например, диалектический материализм, который

должен быть и теорией познания, и логикой, и руководством к действию, а народную общность, новый народ.

На деле эксперимент оказался не новым, а лишь повторением старого. Главным в нём стало загонянием массы мелких эгоистов – наличие которых соответствует характеру современного этапа сознания – в групповое сознание. Но это слишком противоречило характеру эволюции и потому эгоисты загубили, к счастью, тот великий эксперимент. Правда, окончательно «красная цивилизация» не умерла. Она показала, что человеческое эго можно задушить лишь в том случае, если делать это во всечеловеческом масштабе. В этом смысле прав был Троцкий, считавший, что в отдельной стране большевизм победить не может.

12.

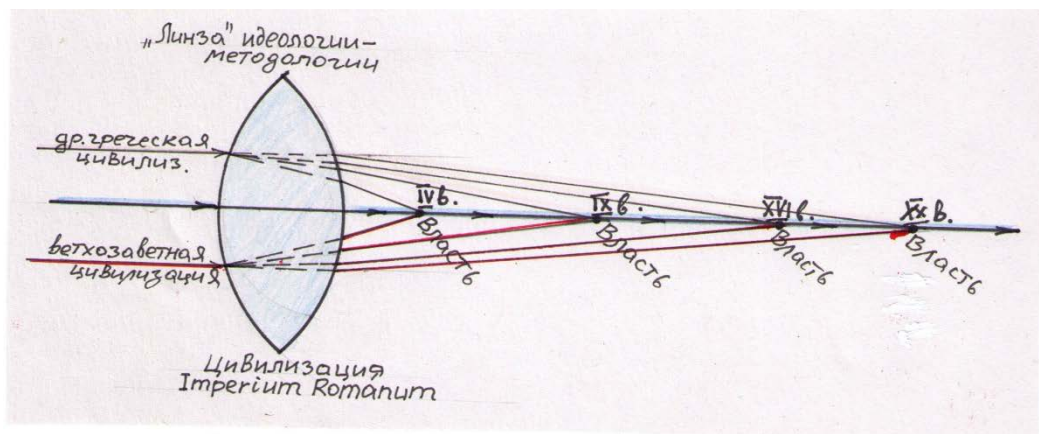
Проект глобализации, ныне с большим успехом и всё нарастающей интенсивностью внедряемый в цивилизацию, является по сути не чем иным, как выведенным на мировой уровень проект «красной цивилизации», т.е. осуществлением мечты Троцкого. Он становится судьбой всего человечества, поэтому ни для кого не было бы лишним присматриваться к нему повнимательней.

Проект этот соответствует *объективной* мировой закономерности, которая при этом, однако, сильно искажается, т.е. он не является совершенно произвольным вымыслом. Его истоки коренятся в древних цивилизациях, которые нужно понять. В цивилизации древней Греции человек развивался так, что он всегда знал *что* ему делать. В оракулах, у жрецов Мистерий, у храмовых служителей он всегда имел возможность спрашивать о том, чего от него, от той или иной человеческой общности хотят духовные, божественные существа. А вот *как* ему следует осуществлять их волю – это боги в основном оставляли на усмотрение самих людей, в особенности, когда речь шла о вещах земных, светских. Человек изучал жизнь богов, какой её описывали мифы, и старался подражать им. У греков была интересная и многообразная социальная жизнь. Люди строили её, идя путём проб и ошибок. На разных территориях возникали то республика, то тирания, то олигархия и т.д. Это было довольно сложное состояние жизни, в котором человек чувствовал себя *свободно в пределах божественной обусловленности*. Он охотно, скажем, по собственной воле следовал воле богов, признавая её правильной в любом случае, стараясь сделать её своей волей, в чём был залог высшего развития. Нравственность также была поволена богами. Грек с современной точки зрения был вневременным. Он знал, что не всё позволено ему делать. Что позволено, то нравственно, ибо оно по нраву богам. А за ослушание мстили определённые духовные существа, эринии. Это был аналог укоров, мук совести.

В древнееврейской цивилизации, в которой впервые пробудился социально земной рассудок, люди знали, на этот раз от одного, высшего для них Бога не только *что*, но и *как* делать всё, к чему они приходят на земле. Людям был дан закон, который с тех пор и до сего дня обрастает многочисленными разъяснениями к нему. Становление личности было строго регламентировано, но при этом закон апеллировал к *пониманию* его личностью. Он изошёл от Бога, но далее существовал и развивался, вернее сказать, конкретизировался применительно к условиям меняющейся жизни. Но его методологическая сущность остаётся неизменной. Она

состоит в сохранении той древней формы сознания, одновременно и группового, и индивидуального, чего современники евреев никогда не могли понять. И этот феномен, действительно, загадочен. Разгадать его можно лишь дав себе отчёт в том, что мы имеем тут дело с проявлением цивилизации трёхтысячелетней давности, сохранившейся до наших дней.

Цивилизация же древних греков полностью ушла с исторической сцены, поэтому попытки реставрировать её элементы (например, олимпийские игры) является чистой глупостью, маскарадом. Нас же должно интересовать, каким образом обе указанные цивилизации присутствуют в современности в своём метаморфизированном виде. Когда подошло к концу их историческое время, то на передний план истории выдвинулась Римская Империя. Она вобрала в себя, так сказать, лучи обеих этих цивилизаций. А когда пришло к концу и её историческое время, то она с исторической сцены уходит не захотела. Империя, если можно так выразиться, превратила себя в некоего рода социально-религиозно-политическую линзу. Она сменила облачение, став универсальной римской церковью, но сохранила суть Римской Империи, которая состояла в удержании власти над человечеством.

Линза христианизированной Imperium Romanum действует таким образом, что два указанных луча древних цивилизаций, ветхозаветной и эллинской, неким образом *фокусирует* в каждом последующем периоде времени, но фокусирует не эволюционно, когда церковь ставила бы себе задачу способствовать очередному возрастанию индивидуального сознания отдельного человека, восхождению индивидуального человека к Богу, а фокусирует с точки зрения удержания старого римского принципа власти. А для этого требуется не пускать человечество в эпоху души сознательной. В каждой исторической эпохе форма этой власти приспособляется к господствующим условиям (в одно время это была инквизиция, в настоящее время – гуманизм, политкорректность, допущение рок-музыки в храмы и т.п.), но суть её сохраняется такой же, какой она была в древности. Такова одна из главнейших методологических составляющих нашей цивилизации.

13.

Вступившее во всеобщий поток исторического развития Христианство не преломляемо. Оно снова возобновляет древнее действие духовного мира на земного человека, только на этот раз имеются в виду не человеческие общности, народы, а человеческая *индивидуальность*.

Поскольку она сформировалась как низшее, земное «я», то к ней находит, хотя и косвенно, через рефлектирующее мышление, высшее Я отдельного человека. В своём наивысшем выражении это вселенское Я. Это и есть Сам Христос Иисус, т.е. вселенское Я, ставшее человеком. Христос как мировое Я несёт человеку высшую свободу, какой обладает Сам. Это образует новый смысл нового развития. Это вызывает метаморфозу цивилизаций. *И это новый принцип их метаморфоз.*

Однако, как говорит Рудольф Штайнер, от прошлого всегда остаются тени. Они стремятся войти в новое и целиком заполнить его собой. Об этом нужно просто знать. А чтобы новое могло возобладать, необходимо распознавать и вводить в жизнь его закономерности. Они же обнаруживаются всегда на скрещении старого и нового. Из этого рождается нечто третье, рождается путём синтеза, а не отрицания. В развитии всегда присутствуют силы, тянущие его назад, и силы, стремящиеся рывком перенестись в некое неопределённое будущее. Проблема синтеза – это, собственно говоря, есть проблема и глобализма. Но глобализм бывает разный. Один – это тот, который нежелателен, враждебен индивидуальному свободному духу, который стремится искоренить этот дух как движением назад, так и прыжками вперёд. Подлинный глобализм – это глобализм индивидуального высшего Я человека. Отдельный человек призван стать таким же большим, как целый мир, вместить в себя всё человечество. Задача эта разрешима лишь в тысячелетиях. Ныне мы имеем задачу *положить начало* её решению. Этой целью должна обновляться вся цивилизация. Для тех, кто способен образовать её авангард, руководящим положением как во внутренней, так и в социальной жизни, должны стать слова ап. Павла: «Не я, но Сам Христос во мне». Это не религиозная заповедь, а самое первостепенное *методологическое* положение.

С помощью приведенных примеров нам теперь становится совершенно понятно, какое фундаментальное значение имеет методология цивилизаций и какого широкого толкования требует она от того, кто желает это понять, сколь много просто решающего связано с ней. Поэтому легко понять и то, почему и в Антропософии она составляет её центральное ядро.

14.

Новому человеку и «что», и «как» его собственных дел необходимо определять самому. В помощь ему при этом даётся только знание. А знание бывает разного рода. Одно, как мы уже сказали, тянет назад, ищет как в настоящем бесконечно продолжать уже отжившее прошлое. Взглянем только, какие мощные социально-политические силы ныне в России стоят на этой позиции.

Другое знание соблазняет (и уже однажды соблазнило) разрушить «всё до основания» и строить мир на базе измышлений выродившегося, мёртвого абстрактного рассудка. Это формы необъективного, узкого знания. Чтобы человек мог в этом убедиться сам, Антропософия распаивает перед ним гигантскую панораму его эволюции и существования в единой чувственно-сверхчувственной реальности. Когда мы обращаемся к ней, то нас потрясает мысль о том, в какой узости, в какой тёмной щели жили мы, ограничивая себя материалистическим взглядом на мир. Эту панораму следует не только обегать беглым взглядом, с нею нужно сжиться, стать с нею одним, ибо она есть не что иное, как *вечная автобиография* каждого

отдельного человека. И из изучения этой своей биографии может человек черпать продуктивные мысли о том, что и как ему делать в этой своей инкарнации, которая должна стать составной частью его дальнейшей судьбы. А такое уже не может не интересовать человека.

Антропософия разъясняет нам, что не тени, призраки прошлого, а объективная реальность прошлого требует своей метаморфозы в настоящем, чтобы стать продуктивным будущим. Подлинной «линзой» развития должна стать не та, которая была показана на рисунке, и не линза большевизма, и не линза либерально-демократического глобализма и т.п. линзы. Ею уже является «линза» Мистерии Голгофы. Она не преломляет прошлые течения развития, а *метаморфозирует* их, наделяя их совершенно новым великим смыслом. И она не закреплена в какой-либо отдельной исторической точке. Она хотя и произошла в определённый исторический момент, но она присутствует в каждом моменте настоящего, присутствует не как мёртвая теология, а как живая, активная, можно сказать, зародышевая сила преобразующая этот момент как принцип. Чтобы глубже понять её, необходимо понять *лемнискатообразный* принцип развития.

Лемниската представляет собой иную форму двойной, закручивающейся и раскручивающейся спирали. Как принцип развития эта спираль наполнена во времени как прямым, так и обратным движением, совершающимся путем бесконечной цепи метаморфоз. Двигаясь в эволюции вперёд, человек изменяет также и её прошлое, но этой темы мы тут развивать не будем.

Мы обратимся к тому, что наполняет лемнискату развития культурно-исторически. Прежде всего мы имеем здесь два потока культуры, в которых пришли в соприкосновение всеобщее историческое и культурное становление: поток, двигавшийся тысячелетиями с востока, а потом с юга на запад, и более потаённый, мало заявивший о себе в культурном становлении Европы, северный поток, пришедший в Европу во времена великого переселения народов в виде большой совокупности германских и славянских племён.

Южный поток, двигаясь в цепи культурных эпох, принёс в Европу Христианство. В этом состоит его главная заслуга. Придя в Европу, Христианство соприкоснулось с северным потоком цивилизаций древних германских племён, пришедших с востока и заселивших, фактически, всю Европу, но при этом в значительной её части смешавшись с древним, кельтским её населением и с латинской расой.

Методология эволюции цивилизаций северного потока выражена в мощной мифологии германского севера. Она сыграла роль подготовителя этих, не затронутых юго-западным движением культур, племён к принятию Христианства. Теперь должен совершиться – и он, собственно говоря, уже осуществляется – синтез южного и северного потоков культурного и исторического становления человечества. В ключе антропософского знания мы подробно занимались этим вопросом в 3-ем томе нашего «Макрокосма и микрокосма». Теперь же мы только подчеркнём, что в наше время столкнулись между собой два взгляда на этот синтез. Первый из них инспирируется люциферически-ариманическими силами, второй – Импульсом Христа. Первым из них вызвано два трагичнейших, ужаснейших искажения понимания сущности этих двух потоков, ибо Люцифер и Ариман, даже выступая вместе, остаются антагонистами. Ариманическим искажением явился большевизм, люциферическим – национал-социализм.

Человечество, ошеломлённое, потрясённое и притуплённое этими двумя искажениями, охотно (хотя и не всегда) идёт навстречу проекту глобализма. Тем, кто ему теперь противится, просто выставляют, как – мы позволим себе так выразиться – поднесённый к лицу кулак, аргумент: ты что, хочешь возобновления большевистской или фашистской диктатуры? Кто хоть что-то при этом понимает, восклицает: да ведь глобализм несёт с собой всё те же самые формы оболванивания, промывания мозгов и проч.! Да, это в самом деле так и есть.

Тут мы должны сделать оговорку и предупредить читателя, что в этой статье мы не занимаемся социальной или какой-либо иной критикой, а только пытаемся понять (что куда важнее, чем критика) смысл новейшей истории и её методологию. Ядро развития во все времена образует эволюция человеческого сознания. Основной смысл развития состоит в том, чтобы человек пришёл к индивидуальному сознанию. Таков смысл и истории, и эволюции. История – это одна из форм эволюции. В ходе истории человек овладевает индивидуальным сознанием, самосознанием, вырабатывая понятийное, абстрактное мышление. А далее ему предстоит овладевать высшими формами сознания: созерцающей, имагинативной и др.

Именно в этом вопросе и достигают высшей поляризации указанные выше два рода познания. Поляризация эта диалектическая: в ней есть и борьба и единство противоположностей. Одна из них при этом является противоположностью в себе. В ней мы имеем, с одной стороны, люциферическое начало, а с другой – ариманическое. К единству первая, большая противоположность приходит во взгляде на грядущую метаморфозу формы человеческого сознания. Её необходимость и даже неизбежность признаётся *всеми* частями той поляризации, только взгляд на это в люциферически-ариманической части полярно противоположен христианскому, антропософскому взгляду.

Покажем на одном примере, каков первый из этих взглядов. Мы приведём отрывок из «Манифеста стратегического общественного движения» «Россия 2045». За этим манифестом стоят очень значительные и в политическом, и в идеологическом смысле силы. (О них также говорится в нашей вышеназванной книге.) Поэтому не стоит легко отмахиваться от них. Вот эти фрагменты.

«Человечество превратилось в общество потребления и находится на грани тотальной утраты смысловых ориентиров развития». (Всё это, несомненно так и есть, однако не станем спешить с выводами.)

«Современная цивилизация с её космическими станциями, атомными подводными лодками, айфонами и сегвеями не способна избавить человека от ограничений физических возможностей тела, болезней и смерти. ... Мы считаем, что мир нуждается в иной идеологической парадигме. В её рамках необходимо сформулировать сверхзадачу, способную указать новый вектор развития для всего человечества и обеспечить проведение научно-технической революции».

Это, собственно, и есть замах на изменение методологии цивилизации, но каким образом? – Путём дальнейших абстрактных спекуляций. Ну и ещё суля массам продление их физического существования. И то, что тут говорится, оно, по сути, уже и делается авторами проекта глобализма. Но продолжим цитирование.

«Мы считаем, что можно и нужно ликвидировать старение и даже смерть... [И вот какой ценой!] По нашему мнению, не позднее 2045 года искусственное тело... достигнет совершенства формы и сможет выглядеть не хуже человеческого. ...

Мы предлагаем реализовать не просто механистический проект по созданию искусственного тела, а целую систему взглядов, ценностей и технологий, которые помогут человеку развиваться интеллектуально, нравственно (с какой это стати?), физически и духовно. ...

Главные задачи движения: ... Формирование культуры, связанной с идеологией будущего, техническим прогрессом, искусственным интеллектом, мультителесностью, бессмертием, **киборгизацией**».

Это, несомненно, совершенно чудовищный по своей сущности проект грубейшего, уже метафизического материализма заявлен как будто бы с русской стороны. Но абсолютно то же самое внушается и со стороны Запада. Это действительно глобальный проект. Вот только один пример. В одной очень популярной швейцарской газете напечатана статья, которая называется «В будущем все мы станем полумашинами». К статье дан подзаголовок: «Тайные службы США смотрят в будущее. Они видят мир полный **киборгов**». К статье приложена следующая фотография:

Таким образом, мы видим, что в проиллюстрированном нами взгляде на эволюцию человека содержится значительная методология, фактически, вся методология материалистического естествознания и его идеологии. И второе: *самым важным в настоящее время является*

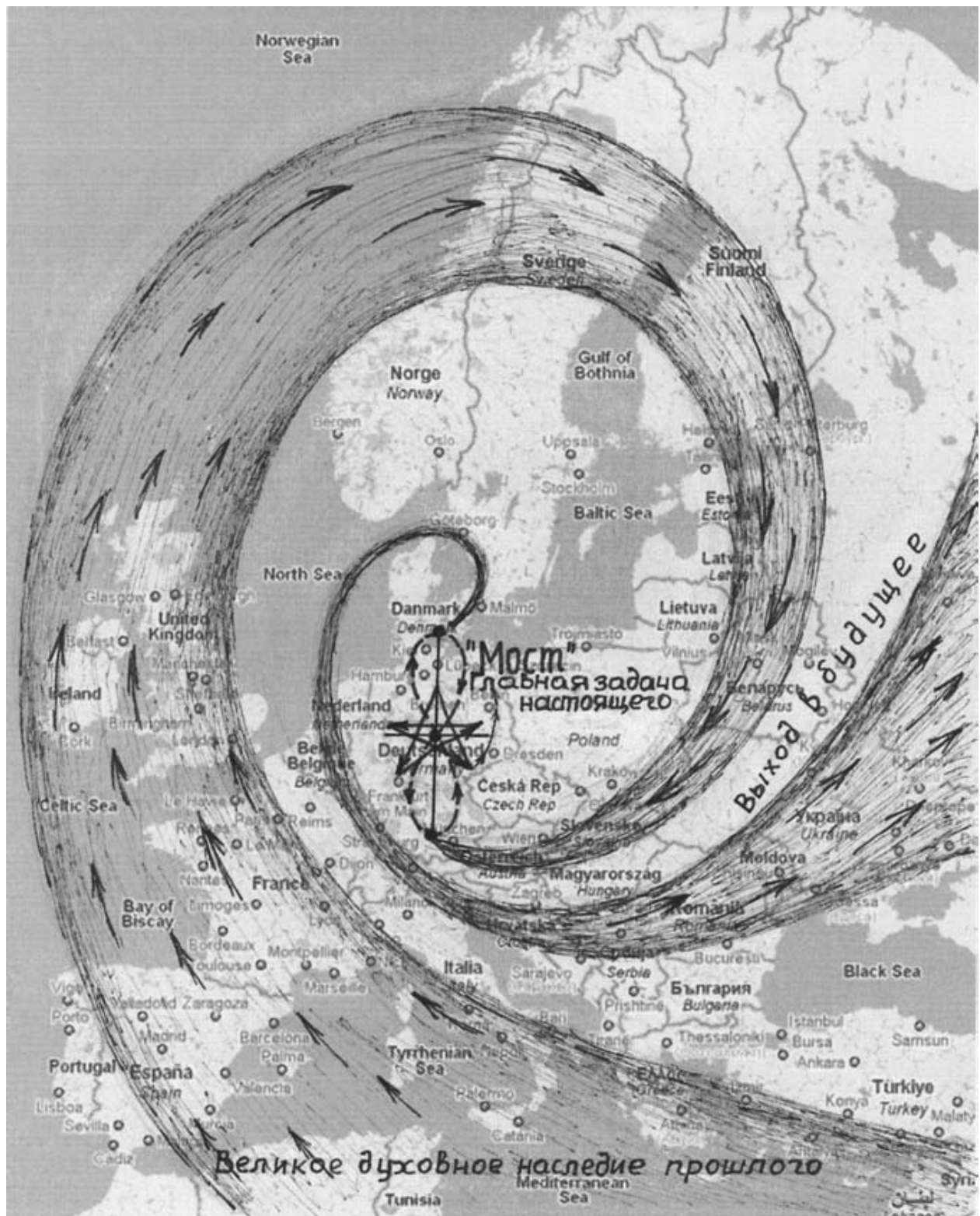
*признание со всех указанных сторон неизбежности **качественного** изменения формы человеческого сознания*

В настоящее время мало кто в мире не согласится с тем, что существующая цивилизация отжила свой век. Чтобы спасти положение требуется новая методология: замена «парадигм», поиск «новых векторов развития» и т.п. А главное: ключевым вопросом встает *изменение формы сознания*. И в этом вопросе имеется только две альтернативы: либо восхождение от рефлектирующей формы мышления к созерцающей, что означает восхождение на следующую эволюционную ступень, либо симбиоз человека с «думающей» машиной, киборгизация, которая устранил род человеческий с лица планеты.

Тут, правда, остаётся ещё одна альтернатива, чисто люциферическая. Она состоит в остановке, пресечении научно-технического прогресса и ввержении человека во всё более архаические формы группового сознания с помощью психологического манипулирования и социального принуждения. Этот путь также ведёт человечество к космической гибели.

Новая, духовно-научная методология культурно-исторического развития показывает вытекающей из законов всеобщей эволюции мира и человека необходимость метаморфозы существующей, материальной цивилизации в следующую, спиритуальную цивилизацию. На этом пути должен быть осуществлён синтез двух потоков культур – северного и южного – и затем перенесён на Восток, в мир славянских народов. Гётеанизм как феномен спиритуальной культуры, созревший в Центральной Европе и поднятый Антропософией на новую высоту, должен стать основой этого синтеза. Первостепенную задачу развивать его имеет Средняя Европа. В ней приходят в соприкосновение оба витка спирали культурных эпох нашей, пятой, послеатлантической коренной расы. И переход импульса развития из одного витка в другой не может совершаться механически. Тут мы имеем дело с узловой точкой лемнискаты. В ней развитие совершается по принципу Гётева «Умри и будь».

Эта метаморфоза двух культурных потоков происходит в индивидуальном сознании людей. Осуществляя её, они, собственно, и восходят к следующей, спиритуальной форме сознания. Общий принцип того, что здесь происходит, мы показали на одном рисунке в 3-м томе «Макрокосма и микрокосма». Воспроизведем ради экономии времени этот рисунок и здесь. Принцип развития, показанный на этом рисунке полярно противоположен тому, который мы показали на первом рисунке в этой статье.

Из этого (нового) рисунка мы видим, что, так сказать, инструментом метаморфозы сознания человек имеет *теоретико-познавательную лемнискату*. Она образует мост для синтеза двух культурных потоков. Для человека этот синтез делает неизбежным овладение созерцающей силой суждения, первый опыт развития которой имел Гёте. Но об этом мы ещё поговорим позже.

15.

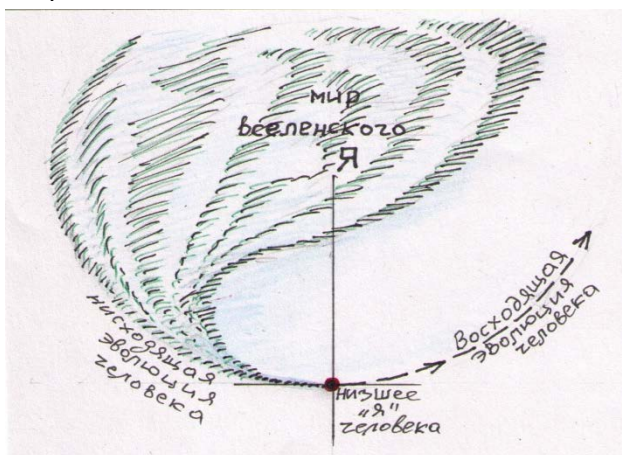
Раскрывая истоки кризиса современной цивилизации, Антропософия предлагает рассмотреть её генезис. Такой подход составляет один из методологических принципов духовно-научного познания. Генезис этот следует начинать издавна. И мы сейчас покажем, почему это необходимо.

С точки зрения эволюции человек не так давно взошёл на ступень человека разумного, а до того бесконечно долго развивался, не обладая ни индивидуальным, ни земным бодрственным сознанием. Однако уже в отдалёнейшие, ещё доисторические эпохи слагались сложные мировые закономерности, в силу которых он теперь оказался в тупике. И если теперь этого не знать, то мы до бесконечности будем искать лёгких, поверхностных объяснений того, что имеет мировое значение. Прежде такой возможности не было. Но с приходом в мир Антропософии, мы словно бы вошли в поезд, который идёт издавна и далеко; в нём уже сидят пассажиры и в нас должно возникнуть естественное желание расспросить их откуда, куда и зачем они едут.

Так вот, «поезд», в который мы сели, отправился некогда из бесконечности Вселенной и в её бесконечности теряет его дальнейший путь. Это была Вселенная духа и в ней с определённого момента словно бы в тонко распылённом состоянии появилась некая субстанция, субстанциональная мысль, идея высочайших иерархических существ, обладающих невообразимо высокими формами сознания, создать ещё один вид существования сознания. Этой мысли-субстанции и предстояло стать человеком. Эта субстанция была введена в эволюцию и начала постепенно, очень постепенно, сгущаться, стягиваться в некое космическое облако, обретать что-то в роде тяжести и в море духа словно бы выпадать в осадок. Она, таким образом, начала обособляться от всеобщего мирового духа, отрицать в нём пронизанность всего всем (такова форма того существования), и потому как бы выталкиваться духом на его периферию, где в конце концов дух стал материей, т.е. не духом. Этот путь отрицания и был эволюцией человеческой монады; всё остальное материального мира выделилось из неё, выделено ею из себя.

Монада при этом, конечно, лишилась и мирового сознания. Вместо него в ней наконец затеплилось наше теперешнее предметное, бодрственное сознание, в котором мы «надёжно» изолированы от высшего сознания духа. Нравится нам это или нет, но это факт, что на противопоставлении, отрицании, отпадении от божественного мира духа была возведена наша первая, земная форма индивидуального сознания. И этого хотели сами творившие нас боги. Ибо ими было задумано сотворение нового вида существ, обладающих свободой выбора, индивидуальной свободой, какую имеет лишь Сам Творец. Самое первое соприкосновение с этой свободой происходит, когда мы развиваем низшее, понятийно мыслящее «я». Как только это произошло в истории культуры, бытие в материальном мире начало терять для нас значение. Став индивидуальностями, мы получаем задачу начинать снова восходить к духу, начинать великое воссоединение с духом, от которого мы *зонами* обособлялись. Мы должны возвращаться во всезнание мира, но только как *индивидуальные*, в этом случае уже как *сверхиндивидуальные*, существа.

Этот принцип развития можно представить себе в виде, например, чаши, в левой половине которой мы находились в прошлом, в настоящий момент достигли оси её симметрии в самой

нижней точке, а далее нам предстои одно только восхождение.

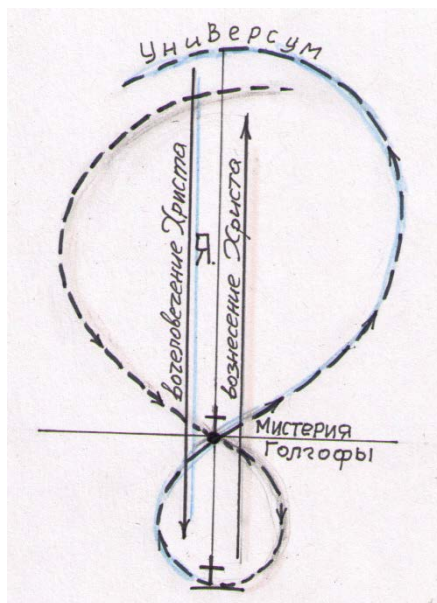
Взятый нами образ чаши представляет собой лишь часть мирового развития. Оно, как дух универсальной Вселенной, как бы присутствует в чаше в виде сферы, а чаша и есть та периферия мира, на которой дух сгустился до материи. Вся эта сфера духа есть одновременно и мир вселенского Я – единый Бог мира. Это Я состоит из сонмов различных Я-существ: Ангелов, Архангелов и т.д. – Вплоть до Серафимов. А надо всем, но и пронизывая всё, стоит Божественная Троица.

В этом мире человек не мог возникнуть сразу как мыслящее существо. Он долгое время был объектом мышления иерархических существ. Они мыслили – естественно, живо, субстанционально – и это имело вид эволюции человека. Но когда-то должен был начать мыслить и он. И поскольку он от своего сотворения предопределён стать свободным, и поскольку его развитие строилось на отрицании духа, то в соответствии с этим должно было развиваться и его индивидуальное мышление. Условия для него были созданы таким образом, что духовная Вселенная как бы вывернулась на другую сторону, став там в конце концов физически-чувственной вселенной, не реальной, а лишь отражением реальной вселенной. В этом отражении человек получил для себя некоего рода «полигон», где он может учиться мыслить, идя путём любых проб и ошибок. (Нельзя сказать, чтобы это не отражалось на духовной Вселенной, но вред, наносимый ей её отражением может быть ею всегда компенсирован.) Это как в физическом мире, где человек творит себе зеркало, а не зеркало человека. Отражение же служит самопознанию.

Духовная Вселенная по мере сгущения и материализации образовала границу между чувственным и сверхчувственным. На рисунке мы условно изобразим её в виде линии, на самом же деле она проходит в *точке* каждого Я. В этой же точке происходит и выворачивание Вселенной на чувственную сторону. Это выворачивание представляет собой метаморфозу сознания. Я-сознание замыкается, следовательно – обособляется, понижается, и как следствие этого духовное бытие замыкается в своём отражении. При этом и вселенское Я получает своё

отражение. Им, собственно, и является земное, низшее «я» человека. Да, при всей его бедности, ограниченности оно является не чем иным, как подобием Самого Бога. Потому Христос и говорит: «вы боги».

Если человек берёт на себя своё развитие в нижней петле показанной на рисунке лемнискаты, то в её узловой точке, по достижении её, он может своим сознанием, а в будущем и всем своим существом, вывернуться на сторону духа: совершить метаморфозу, обратную той, в результате которой он был подведён к возможности первичной индивидуализации.

Задача такого «выворачивания» в прошлом решалась в Мистериях немногими людьми. Ныне она стала общечеловеческой задачей. От её решения и зависит судьба нашей цивилизации. О том, как эту задачу решать, говорится в антропософском учении об эволюции, далее – в теории познания и в науке посвящения. Их нужно изучать, а затем кое-что предпринимать с собой, становясь частью того познания.

Если мы опять спросим себя: так в чём же заключается смысл человеческого существования? То в ответ нужно будет сказать: в земном бытии он заключается в возвращении человека на свою духовную родину, для чего необходимо возвести мост от земного низшего «я» к собственному высшему Я; в высшем Я содержится подлинный смысл человеческого существования, и чтобы о нём говорить, нужно многое о том существовании узнать. У младенца смысл жизни состоит в том, чтобы сосать материнскую грудь, у юноши – чтобы познавать мир, в который он входит как деятель. А далее к нам подступают высшие смыслы. Их не объяснить младенцу и очень трудно – юноше. Нужно расти, развиваться, мудреть. Тогда всё станет понятным. Антропософия необыкновенно сокращает этот путь, убыстряет движение по нему.

16.

Выворачивание эволюции человечества с духовной стороны на физически-чувственную было сопряжено с известным риском. Это был риск в масштабах всей Вселенной. Ибо возникла вселенская лемниската, нижняя часть которой ушла для богов в некое непознаваемое, ибо и боги не могут входить в мир небытия, т.е. материи. Эта сфера начала удерживаться в бытии

мира действием отставших иерархических существ, которые стали в некоем смысле духами материи. Возникла материальная вселенная, нижняя петля лемнискаты получила тенденцию навсегда оторваться от верхней, более того, и верхнюю петлю, видоизменить, втянуть в свою сферу, изменить основной закон развития. Положение было спасено Деянием Христа. Сойдя на землю и став человеком, Он стал Регентом всей мировой лемнискаты. Инобытие вошло в сознание богов, Иерархий.

Вернее будет сказать, что благодаря Христу наш мир, земной человек обрёл возможность спасения. И оно, может осуществляться только при содействии самого человека. Поэтому в мире идёт борьба за человека. Отставшие регенты материи стремятся заполучить его для себя, ибо без него само их существование теряет смысл. Божественные существа всегда готовы прийти на помощь человеку, но только в том случае, если он их позовет. А позвать их можно не как угодно, а приводя себя в соответствие со всеобщей задачей восхождения к духу.

Таким образом, мы имеем дело с необыкновенно сложным процессом. И если он кому-то не нравится, то ему на помощь придут другие духи, которые всё дело представят в необыкновенно простом виде, но это будет делом его гибели.

Чтобы мог осуществляться сложнейший процесс развития нового рода существ во Вселенной, да к тому же призванных стать свободными духами, все роды божественных Иерархий должны были разделиться на три части, одна из которых потянула развитие вниз, в материю, другая – назад, в прошлое, т. е. назад в прошлое духовное, мешая материализации, и только третья часть осталась верной божественному замыслу. Всё это постоянно проявляется даже в частностях нашей повседневной жизни. Поэтому частностей в ней для понимающего нет. В самой тривиальной деятельности просматривается её космическое измерение.

Ну а в целом мы имеем гигантский поток духовных существ, не желающих восходить. Они в узловой точке мировой лемнискаты хотят дать эволюции другое направления, повести её к дальнейшему отпадению от высшего мира. Таким способом они хотят упразднить всю прошлую эволюцию мира и начать *новую, свою, ариманическую*, где человеку на его современной ступени развития просто *нет места*. Он нужен там лишь как своего рода исходная «глина» для совершенно иных форм. Именно на том пути его и ждёт киборгизация, именно туда стремится затолкать его нынешний процесс глобализации.

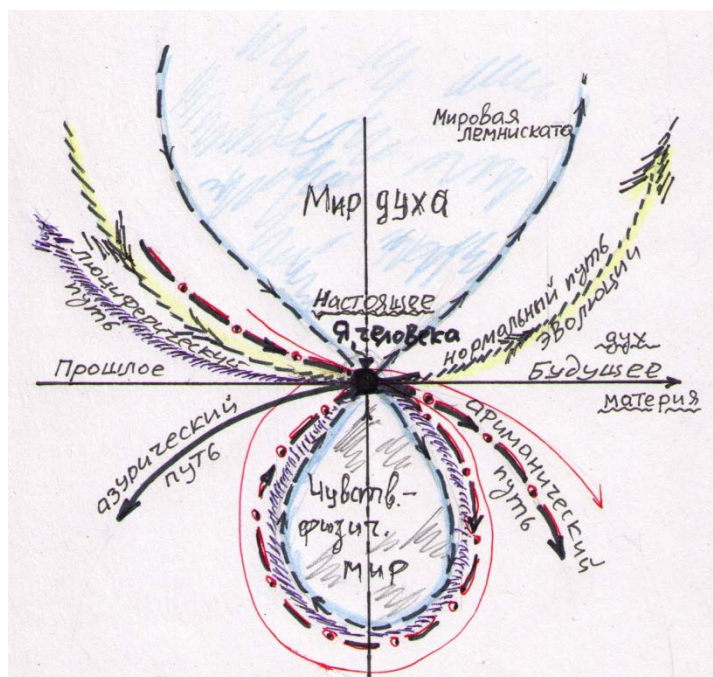
Кроме ариманического существует ещё люциферический путь ухода от нормальной эволюции. Он состоит в отказе от мира, от участия во всех его делах, в односторонней идеализации, в стремлении во всём апеллировать только к прошлому. Этот путь возвращает человека в былое космическое младенчество, в котором он рискует просто раствориться, утратить свое существование.

Имеется и ещё один путь погружения человечества в бездну небытия. На него человека пытается увести ещё один род, противящихся нормальной эволюции духов: азурических духов. Они стремятся осуществить некоего рода синтез ариманических и люциферических существ, т.е. направить эволюцию одновременно и вниз, и назад. Особенно активно, как говорит Рудольф Штайнер, эти существа атакуют человеческое Я, в том числе, конечно, и низшее «я». Для этого

они вовлекают людей в массовые взрывы бессмысленных страстей, которые происходят на стадионах, на рок-концертах и т.п.; они же – вдохновители сексуальной революции во всех её рафинированных извращениях, аномалиях. Насколько велик успех этих существ в мире, может свободно судить каждый.

Мы опять обратимся к рисунку, чтобы сделать рассмотрение более наглядным. На нём мы видим мировую лемнискату приведённой в связь со всеми перечисленными видами отклонений от, по сути, единственного правильного пути развития, на котором человек приходит во всё более тесное отношение с деянием Христа на Голгофе, а через Христа – со своим высшим Я.

Через все эти сложные, рафинированные искушения и испытания должен пройти и выдержать их, не надломиться современный человек, чтобы прийти к свободе. Для этого необходимо во всех вещах делать правильный выбор, а для этого их нужно *познавать*. Вся гигантская сложность этого выбора, его напряженность ложится не лёгким бременем на человеческую душу. И от этого выбора зависит судьба цивилизации. Этим и объясняется нарастающий в ней кризис. Должна произойти радикальная смена всех принципов развития индивидуального человека. Он должен произвести в себе *видовую метаморфозу*, которая изменит форму его сознания в смысле его *не киборгизации, а спиритуализации*. Эту метаморфозу необходимо осуществлять по законам мировой метаморфозы. Поэтому её инструментом является также лемниската, но

микрокосмическая, теоретико-познавательная, как мы назвали её.

17.

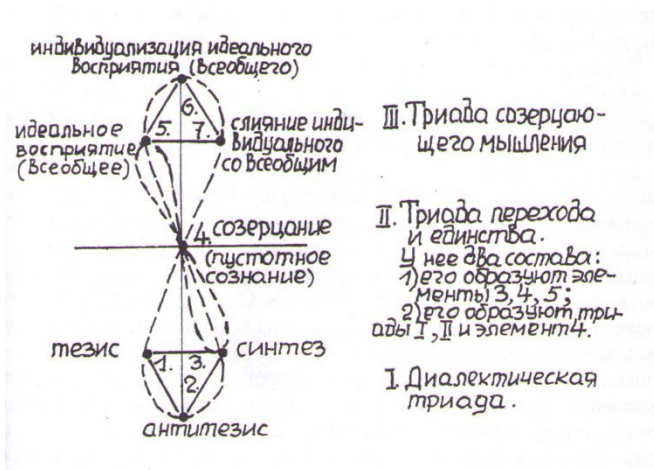
Рудольф Штайнер создал единую методологию жизни и познания. Её основным или центральным элементом является познающий человек – творец социальных отношений, своей

судьбы, цивилизации, культуры, истории. Основным ядром в самом человеке является форма его сознания. Меняется эта форма, меняется вся вторичная, творимая человеком реальность. Несомненно, имеет место и обратное действие реальности на её субъекта, но при наличии у человека мыслящего сознания, низшего «я», его роль в этом взаимодействии первичная.

Современный человек есть плод истекшей эволюции. И как таковой он всю её несёт в себе. Он несёт в себе и метод, с помощью которого совершалась его эволюция. Но это был также и метод эволюции Вселенной. Теперь этот метод субъективирован в человеке. Неким образом он уместается в его индивидуальном сознании и по его инициативе может быть приведён в действие.

Действие мирового метода развития лемнискатообразно. И этот принцип развития входит в индивидуальное сознание на пути диалектики. В диалектическом мышлении человек имеет возможность охватить суть всей чувственно-физической реальности. А это является нижней петлёй мировой лемнискаты. Путь из этой нижней петли в верхнюю – это путь от абстрактного к созерцающему, имагинативному и т.д., т.е. живому мышлению, путь индивидуального вхождения в сверхчувственную реальность, что стало в наше время объективной необходимостью для множества людей, а не для избранных.

В той верхней петле человек встречает ту же диалектическую триаду, но в метаморфизированном виде. Как инструмент мышления она позволяет соприкоснуться с высшим миром, с реально духовным мышлением, не порывая связи с рефлексией, благодаря чему сохраняется устойчивое состояние личности. Переходя из диалектической петли лемнискаты в созерцающую, мы принцип диалектики вносим в сферу сущего. Чисто теоретически здесь, конечно, возникают довольно сложные рассуждения. Но они по большей части важны для того, кто желает понять необходимость новой формы сознания исходя из всего прошлого опыта его становления. Задачу можно в значительной мере облегчить, если воспользоваться очень пространными описаниями элементов этой теоретико-познавательной лемнискаты и характера практической работы с нею, которые составляют основной вопрос наших методологических работ. Повторять всё это здесь не имеет никакого смысла. Мы просто приведём в заключение статьи лишь рисунок этой лемнискаты, взяв его из наших книг.

Нам трудно сказать, в какой мере это популярное введение в методологию действительно способно облегчить задачу тому, кто хочет ею овладеть. Кому-то, наверно, поможет. Над этим нужно работать. И некоего рода путеводной звездой в такой работе может быть понимание ключевой идеи антропософской методологии, что теоретико-познавательная лемниската есть микрокосмический образ, форма лемнискаты эволюции *всего Универсума*. Это поистине золотой ключик от Царства Небесного, который боги хотят вручить человеку с помощью антропософского духопознания.

И ещё одно необходимо иметь в виду: человек, соприкоснувшийся с Антропософией, с её методологией, с её органом, встретился с началом нового мира, значительно более богатого, чем существующий, богатого возможностями индивидуального высшего развития. Такие встречи трудны, но они вдохновляют, воодушевляют, ибо речь тут идёт о собственной судьбе каждого отдельного человека.